

Жэнь Ши и не подозревал, что в то самое время, когда он сковывал Синего дракона цепями, в дворик Гу Сюньчжи уже пожаловал незванный гость — князь Цзинь.

Дверь открыла Сяо Цуй. Она никак не ожидала увидеть его высочество в столь поздний час и замерла в изумлении. Князь, небрежно бросив ей пару серебряных монет, велел идти куда-нибудь развлечься.

Ночь давно вступила в свои права, и играть Сяо Цуй было решительно негде, но, никогда прежде не держав в руках столь щедрой награды, она едва не запрыгала от восторга. Спрятав серебро за пазуху, девушка со всех ног припустила в поместье — хвастаться перед другими служанками.

Князь вошёл в дом, предусмотрительно запев за собой дверь на засов.

Гу Сюньчжи лежал в постели. Благодаря защите Жемчужины Южных морей он не был так уж слаб, но Жэнь Ши и Сяо Цуй в один голос запретили ему подниматься, так что больному оставалось лишь смиренно восстанавливать силы.

Услышав скрип двери, он решил, что вернулась служанка, и окликнул её несколько раз. Ответа не последовало. С трудом сев на постели, он увидел перед собой князя Цзиня.

Поражённый Гу Сюньчжи порывался встать, чтобы поприветствовать господина, но тот властным жестом удержал его на месте:

— Оставь церемонии, господин Гу. Ты ведь болен, к чему эта излишняя строгость?

Сюньчжи остался сидеть, выдавив бледную улыбку:

— Благодарю, что навестили меня, ваше высочество.

Князь придвинул табурет и устроился у самого края кровати.

— Я кое-что слышал о твоём недуге, — начал он, — хотя подробностей мне не доложили. Гляжу я на тебя сейчас... неужто всё так серьёзно?

Сюньчжи покачал головой:

— Хоть и прихватило внезапно, ничего страшного. В конце концов, я человек практикующий, так просто дух не испущу.

Князь, казалось, с облегчением выдохнул:

— Что ж, и слава богу. Когда придёт время твоего отъезда, я подарю тебе сотню золотых в знак нашего прощания. Знаю, вы, даосы, не стремитесь к богатству, но в странствиях лишняя монета в кошельке не помешает.

Слова князя тронули Гу Сюньчжи, однако он вновь покачал головой:

— Благодарю за доброту, но золото мне ни к чему. Я отправляюсь вместе с шисюном, а в пути нам деньги без надобности. Вашему высочеству они нужнее для великих свершений, не стоит тратить их на меня.

Услышав отказ, князь Цзинь не стал настаивать.

— Что ж, не хочешь денег — воля твоя. Но перед тем как ты уедешь, есть пара дел, в которых я колеблюсь. Мне нужно обсудить их с тобой.

Гу Сюньчжи и сам терзался чувством вины: он знал, сколько важных начинаний князя держалось на нём, и теперь уходит.

— Прошу, говорите, ваше высочество, — поспешно отозвался он.

Князь на мгновение задумался.

— Сейчас Жэнь-гунцзы отправился за драконом, имея при себе Верёвку, связывающую драконов. В самом захвате я не сомневаюсь. Но вот о чём я помыслил: когда дракон окажется в неволе, хлопот прибавится. За ним нужен особый присмотр, и мне надобно найти человека надёжного, который будет ему прислуживать.

Сюньчжи кивнул:

— Это верно. Держать в поместье целого дракона — дело опасное, пойдут слухи. Слуга должен быть преданным и, что важнее всего, уметь держать язык за зубами. Есть ли у вас кто на примете?

— Пожалуй, есть, — отозвался князь. — Думаю, Сяо Цуй вполне подойдёт. У неё нет родных, прошлое её прозрачно, а когда я покупал её, мы подписали договор о пожизненном владении. Через пару дней, когда ты уедешь, я определю её к дракону. Одно плохо: девчонка она больно живая, болтает без умолку, тайны ей не доверишь. Но, к счастью, грамоте она не обучена, так что, если лишить её языка, проблем не возникнет.

Князь говорил так буднично и легко, словно изувечить человека было самым обычным делом. Сюньчжи открыл рот, собираясь возразить, но князь продолжал:

—... А ещё я думаю о будущем. Пройдёт года три, ну, может, пять, и, когда моё дело увенчается успехом, негоже будет и дальше томить дракона в Поместье князя Цзиня. Отпустить его — значит навлечь месть на всю столицу, народ пострадает. Куда разумнее последовать примеру Великого предка и казнить зверя. Так мы и беду предотвратим, и закатим пир для чиновников, угостив их драконьим мясом — разве не славное торжество? Где бы ты ни был тогда, господин Гу, черкни мне весточку, и я непременно пришлю тебе лучший кусок. Одно меня тревожит: убийство дракона — поступок против воли Небес. Наверняка последует кара. Но я буду молить Небо, чтобы весь удар пал на меня одного, и ни в коем случае не задел ни тебя, ни твоего шисюна, господин Гу.

Князь расписывал эти планы с таким неподдельным жаром, будто и впрямь собирался их исполнить. Но Гу Сюньчжи, слушая его, постепенно осознал истинный смысл этих речей. Он горько усмехнулся:

— Ваше высочество, если вы не хотите, чтобы я уезжал, так и скажите прямо. Зачем пугать меня такими ужасами?

Князь улыбнулся в ответ:

— Господин Гу, ты служишь мне столько лет, ты человек проникательный и должен понимать: ты знаешь почти все тайны этого дома, и всё, что я затеял, находится в твоих руках. Если ты исчезнешь, моё сердце не будет знать покоя.

Гу Сюньчжи опустил голову.

— Я понял волю вашего высочества. Вы спасли мне жизнь и приютили, когда я был на самом дне. Этот долг мне не выплатить вовек, и остаться здесь было бы моей обязанностью. Но шисюн мой... человек он тяжёлый. Я боюсь, что из-за этого между вами и ним возникнет вражда, а это к добру не приведёт.

Князь Цзинь негромко рассмеялся:

— Господин Гу, при твоём-то уме — неужто ты не сладишь с такой мелочью? Мне видится, что Жэнь-гунцзы, хоть и суров с другими, к твоим словам прислушивается. Он человек разумный и вряд ли станет творить безумства против того, кто спас жизнь его младшему брату.

Заметив, что Сюньчжи всё ещё колеблется, князь добавил мягче:

— Если ты останешься, Сяо Цуй, разумеется, будет по-прежнему заботиться о тебе. Что до дракона — со временем мы найдём способ устроить его судьбу иначе. Пока ты здесь, всё будет идти своим чередом, и тебе не о чем будет беспокоиться. К тому же, ты и сам знаешь: моё дело завершится через три года, в крайнем случае — через семь-восемь. Для бессмертного это лишь миг. А когда всё исполнится, я сам, со всеми почестями, провожу тебя в путь.

Гу Сюньчжи тяжело вздохнул и закрыл глаза.

— Прошу, ваше высочество... позвольте мне всё хорошенько обдумать.

Князь продолжал улыбаться. Он не торопил своего советника. В это время в ворота постучали. Князь поднялся, удовлетворённо кивнув:

— В таком случае, размышляй. У тебя есть несколько дней, пока ты не окрепнешь. Но помни: если ты всё же решишь уйти, сотня золотых будет ждать тебя.

Гу Сюньчжи промолчал. Князь, не дожидаясь ответа, вышел во двор и отпер засов.

Как раз в этот миг вернулся Жэнь Ши. Взглянув на него, князь понял, что дело сделано. Он коротко поблагодарил мастера, не вдаваясь в подробности.

Жэнь Ши удивился, застав князя здесь в столь поздний час, но не придавал этому значения. Лишь сухо кивнул:

— Всё кончено. Запах благовоний «Пьяный сон» ещё не выветрился, в поместье все спят. Вашему высочеству лучше переночевать в другом месте.

Жэнь Ши не имел желаний любезничать с князем, и он сказал это лишь ради Сюньчжи. Тот понимающе улыбнулся:

— Благодарю за заботу. Ничего страшного, нынешнюю ночь я проведу в Башне весенней ночи.

Жэнь Ши нахмурился, но промолчал и сразу прошёл в дом.

Первым делом он поспешил к постели больного. Гу Сюньчжи сидел, откинувшись на подушки; он был бледен как воск, а во взгляде читалась глубокая тревога.

Жэнь Ши в два шага оказался рядом и сжал его ладонь:

— Что с тобой? Тебе совсем худо?

Сюньчжи покачал головой:

— Нет, Жемчужина Южных морей оберегает меня. Просто заходил князь, мы долго беседовали, и я немного утомился.

Жэнь Ши поверил, с облегчением выдохнул и присел на табурет.

— Принести воды? Или ты хочешь сразу лечь?

— Побудь со мной, шисюн. Просто посиди рядом.

Жэнь Ши придвинул табурет вплотную к кровати. Ладонь брата казалась совсем высохшей, покрытой сеткой старческих морщин. Ногти у стариков растут быстро, а в суете последних дней их некогда было подстричь, и они стали совсем длинными. Заметив это, Жэнь Ши проговорил:

— Ложись поудобнее и не шевелись. Я подстригу тебе ногти.

Гу Сюньчжи не стал возражать.

— Щипчики там, в плетеной корзинке с мелочами.

Обычно Жэнь Ши управлялся с такими делами одним коротким заклинанием, но сейчас он послушно нашёл в бамбуковой корзинке на столе щипчики. Осторожно придерживая кончики пальцев Сюньчжи, он бережно придавал ногтям ровную форму. Закончив, он спросил:

— А где пилочка?

Сюньчжи смотрел, как безупречно белые, словно выточенные из нефрита руки шисюна бережно держат его собственные — сухие, будто корявые ветки. Ему самому было больно на это смотреть.

— Шисюн, к чему такие заботы? Эти руки уже ничем не исправишь, как ни старайся. Подрезал — и ладно.

Жэнь Ши не ответил. Он снова принялся искать в корзинке, пока не выудил маленькую пилочку. Тщательно обработав каждый край, чтобы не осталось зазубрин, он убрал инструменты. Вернувшись к постели, он накрыл ладонь младшего брата своей и негромко произнёс:

— Сегодня всё прошло гладко. Через пару дней, как только ты окрепнешь, мы покинем это место.

В первый миг Сюньчжи охватила радость, но следом в памяти всплыли ледяные слова князя, и ему стало больно.

Жэнь Ши, решив, что брат всё ещё расстроен из-за своей внешности, помедлил и добавил, стараясь утешить:

— Мы уходим именно для того, чтобы найти способ вернуть тебе молодость. Но даже если не выйдет — не беда. В конце концов, ты человек, но ведь и среди небожителей есть те, кто навечно сохраняет облик старца. Как бы ты ни выглядел, для меня ты всегда останешься прежним.

Голос Жэнь Ши звучал так искренне, что Гу Сюньчжи едва не поддался порыву и не согласился уйти немедленно. Но он всё ещё помнил угрозы князя. Стиснув зубы, Сюньчжи заставил себя произнести:

— Шисюн, в этот раз я не смогу пойти с тобой. Уходи... уходи один.

<http://bllate.org/book/17555/1712422>